

Д.Н. Меньшиков (Санкт-Петербург)

**«ЗАТИШЬЕ» ПЕРЕД БУРЕЙ. БОЕВЫЕ
ДЕЙСТВИЯ ПОД СМОЛЕНСКОМ
В ИЮЛЕ – АВГУСТЕ 1633 ГОДА**

Чаще всего при изучении различных войн и военных кампаний внимание исследователей привлекают в первую очередь наиболее крупные и масштабные события – действия главных сил, важные осады и, конечно, генеральные сражения, меняющие судьбу всей кампании, а то и всей войны. В то же время вопросы повседневной деятельности войск – организация снабжения, дозорная и конвойная служба, поиски разведывательных отрядов, палеты на обозы, мелкие стычки, наконец, боевые действия на второстепенных направлениях – как правило, остаются на втором плане, хотя иной раз они оказывают значительное влияние на общий ход событий, а в конечном счете, и на исход войны.

Не стали исключением и события Смоленской войны 1632- 1634 гг. В отечественной историографии наибольшую разработку получили преимущественно вопросы дипломатической истории войны, а также создание полков нового строя накануне и в ходе нее¹. Сам ход войны в отечественной историографии освещался в меньшей степени, это касалось боевых действий как на главном, смоленском направлении², так и на вспомогательных³.

Польская историография, наоборот, основное внимание уделяла именно изучению хода боевых действий, однако в поле зрения исследователей оказывались в первую очередь действия армии Владислава IV по деблокаде Смоленска и разгрому армии боярина М.Б. Шеина. Операции же польских войск на начальном этапе войны и в ходе осады Смоленска, за исключением действий войск литовского польного гетмана, князя Кшиштофа Радзивилла зимой – весной 1633 г., изучены гораздо меньше⁴.

Одним из наименее затронутых в историографии этапов смоленской кампании 1632 - 1634 гг. является, пожалуй, период лета 1633 г. И отечественная, и польская историография определяли общую ситуацию на главном, смоленском, направлении в это время как период относительного затишья и бездействия обеих сторон, прекратившийся лишь в конце августа с подходом под Смоленск королевской армии⁵.

Действительно, после неудачных штурмов города, 26 мая и 10 июня 1633 г., под стенами Смоленска установилось относительное затишье. Это отнюдь не означало, что ничего не происходило. Между гарнизоном и сидевшими в осадных траншеях солдатами шла постоянная перестрелка⁶. Продолжались как обстрел города, так и осадные работы – строились новые батареи, а от лагеря Хареслебена на том участке, где велась вспомогательная атака, начали вести новый подкоп⁷. Однако активность боевых действий во второй половине июня несколько падает – осажденные и осаждающие приходили в себя после ожесточения штурмов. Лишь в конце месяца осажденные, показывая, что они еще держатся, произвели несколько вылазок из города⁸, которые дали психологический эффект⁹.

Стоявшие в Красном польские войска, которыми в отсутствие гетмана¹⁰ командовал полковник Якуб Мадалинский, также на некоторое время прекратили свои действия по поддержке осажденных. Неудачные попытки провести в Смоленск подкрепление или нанести осаждающим серьезный урон, нехватка фуража и провианта, а также отсутствие денег привели к падению у поляков боевого духа. В войске назревал бунт¹¹. 10 июня, вернувшись обратно в лагерь после демонстрации под Смоленском, солдаты составили «генеральное коло», где выслушали королевского посла, перемышльского подкомория Яна Фредро. В переданном им от короля послании войску за его действия была объявлена королевская милость, а также сообщалось о скором прибытии самого короля с подкреплениями и обещались выплаты денег¹². В ответ солдаты, поблагодарив за оказанную им честь и внимание, написали королю ответное письмо, требуя в нем присылки денег и продовольствия¹³.

Тем не менее, хотя недовольство удалось погасить, польские войска из Красного вели теперь только «малую войну», с переменным успехом совершая вылазки за провиантом и фуражом, а также нападая на занимавшиеся тем же самым русские отряды. 3 июля на правом берегу Днепра произошел Катынский бой¹⁴, когда был

перехвачен и разгромлен довольно крупный польский отряд, пытавшийся повторить прорыв к городу тем же путем, что с успехом использовался ранее, в феврале и в марте. Потери только пленными составили несколько десятков человек, было взято 2 знамени. В плен попал и командовавший отрядом ротмистр Пулавский¹⁵.

Вскоре после этого в войске начался массовый падеж коней, по видимому, из-за бескормицы, так как окрестности были уже довольно сильно опустошены. В результате лагерь пришлось оставить, и 18 июля войско перешло к реке Вестесне¹⁶. Новый лагерь располагался на полторы мили ближе к Смоленску, до которого оставалось лишь 35 верст. Хотя новое место было более удобным, падеж лошадей не уменьшился. Всего пало не меньше 1000 только верховых коней¹⁷.

Таким образом, в начале июля 1633 г. польское войско в Красном было не в самом лучшем состоянии. Казалось бы, русское командование в лице боярина М.Б. Шеина должно было воспользоваться благоприятной возможностью и наголову разгромить Мадалинского. Однако этого не произошло: восводы ограничились посылками небольших отрядов для борьбы с польскими фуражерами и захвата языков¹⁸. Так, 28 июня посланный под Красный каширский дворянин Андрей Хрущев привел 40 пленных¹⁹, однако это были лишь небольшие укусы, а требовался мощный удар.

Важность того, что за все время осады Смоленска М.Б. Шеин так ни разу не попытался уничтожить литовское войско в Красном, несомненна. Недаром в смертном приговоре М.Б. Шеину данное обстоятельство стало одним из пунктов обвинения. Чтобы дать ответ на этот вопрос, следует, в первую очередь, проанализировать положение М.Б. Шеина в июле 1633 г.

Практически все перебежчики из Красного, так же как и взятые там языки, хором сообщали, что численность польских войск составляет от пяти до восьми тысяч конницы и пехоты²⁰, а некоторые сообщали о скором подходе короля с подкреплениями²¹. Гарнизон Смоленска, по сведениям перебежчиков, также насчитывал около 5–6 тысяч²². Хотя на самом деле эти данные были несколько завышены²³, однако проверить их было невозможно, тем более что ожесточенная оборона города убеждала в обратном. В то же время у М.Б. Шеина с учетом всех подкреплений к августу 1633 г. на бумаге насчитывалось около 32 тысяч войска²⁴, хотя на практике его силы можно оценить примерно в двадцать с небольшим тысяч человек²⁵.

В результате в случае принятия решения атаковать Красный крупными силами воевода оказывался перед довольно рискованным выбором: либо спясть из-под Смоленска много войск и тем самым ослабить осаду и дать возможность гарнизону прорвать ее, либо послать под Красный отряд, сравнимый по численности с войском противника, подвергая его опасности разгрома.

Конечно, с учетом того, что до польского лагеря от Смоленска было всего 35–40 верст, можно было пойти на риск и попытаться разгромить полевую армию противника до того, как гарнизон успеет среагировать на ослабление блокирующих сил. Однако такое решение было бы нехарактерно не только для М.Б. Шеина, но и для многих других русских полководцев XVI–XVII вв. Они никогда не стремились «поставить на кон» всю армию, а предпочитали посылать конницу в набеги на коммуникации противника, опираясь при этом на укрепленные лагеря с пехотой и артиллерией²⁶. С учетом того, что в полевом сражении русская конница, идеально подхвачившая для «малой войны», лишь с трудом могла противостоять польской коннице, которая отличалась, в первую очередь, своими ударными качествами²⁷, а сам М.Б. Шейн практически не имел опыта полевой войны²⁸, становится вполне понятным, почему он предпочел безопасность укреплениям риску сражения.

Стоит отметить, что такое поведение было вполне обычным не только для русских, но и для европейских полководцев того времени. С учетом того, что сражение само по себе было довольно рискованным предприятием, многими военными теоретиками и практиками XVI–XVII вв. рекомендовалось давать его лишь при самых благоприятных обстоятельствах. Исход кампаний гораздо чаще решался многочисленными осадами и в особенности «малой войной»²⁹, ставку на которую и сделал М.Б. Шейн. Вместе с тем, это было прямым нарушением наказа, где ему предписывалось дать бой³⁰.

Начало нового этапа действия польского войска относится к концу июня – началу июля 1633 г.: во время вылазки в день св. Петра (19 июня) некоему Клечковскому удалось пробраться через осадные линии. 24 июня он добрался до Красного, принеся с собой письма, где сообщалось о тяжелом положении гарнизона³¹. Помимо этого в начале июля в лагерь вернулся смоленский воевода Александр Гусевский и взял руководство войском в свои руки. Хотя наш основной источник, Ян Москоржевский, практически не упоминает не только о его заслугах, но и о нем вообще³², однако именно

прибытие Гусевского, а точнее, тот факт, что он привез с собой деньги и выдал солдатам давно невыплаченное жалование³³, позволило перейти к более активным действиям.

Поскольку никаких свежих сил вместе с Гусевским не прибыло, а связи с городом не было³⁴, то сначала для прояснения обстановки он решил послать в город лазутчиков. Однако здесь его ждал провал – отправленный 18 июля в Смоленск местный крестьянин Иван Максимов, вместо того чтобы пробраться в крепость, явился со всеми имевшимися у него письмами к М.Б. Шеину³⁵. Другие попытки сообщить осажденным новости также успехом не увенчались. Впрочем, было ясно, что гарнизон наверняка нуждается, по меньшей мере, в пополнении запасов боеприпасов и продовольствия³⁶. Поэтому, получив 23 июля подкрепление, А. Гусевский переходит к более активным действиям.

Ему противостояли, прежде всего, полки окопичего князя Семена Васильевича Прозоровского и его товарища, окопичего князя Михаила Васильевича Белосельского, а также полк стольника Богдана Михайловича Нагого. После того как 21 июля Б.М. Нагой умер, а его отряды перешли под начало князя С.В. Прозоровского³⁷, последний из-за болезни князя М.В. Белосельского фактически стал единоличным командующим всех войск, стоявших на реке Ясенной и прикрывавших западные подступы к Смоленску.

На бумаге в его распоряжении были значительные силы – согласно наряду войск в обоих полках должно было насчитываться 5456 дворян и детей боярских, а также 439 казаков, татар и новокрещеных³⁸. На практике реальная сила войск была значительно меньше: уже смотр 19 марта показал наличие только 4451 человека³⁹, а летом 1633 г. за счет все большего бегства дворян из армии численность полков князя С.В. Прозоровского уменьшилась уже до 4130 человек⁴⁰. Кроме них в его подчинении также находилось некоторое количество яицких казаков⁴¹, а в начале августа он был усилен прибывшим из Москвы русским солдатским полком Вилима Кита, который по состоянию на 19 августа насчитывал 1506 человек⁴². Наконец, 17 августа⁴³ под Смоленск после месячного марша прибыл двухтысячный⁴⁴ рейтарский полк Самуэля Шарля д'Эберта, вставший рядом с лагерем князя С.В. Прозоровского.

Маршрут польских отрядов, направлявшихся к Смоленску из Красного, был довольно прост. Он проходил практически полностью по оршанской дороге на южном берегу Днепра. Первой

остановкой на нем была обычно деревня Жорновка примерно в 16 км от Красного, или же переправа через реку Уфимью, до которой было еще около 12 км. Еще дальше в сторону Смоленска, на реке Лубне паходились передовые польские дозоры⁴⁵, от которых до укреплений князя С. В. Прозоровского на реке Ясенной было всего лишь 15 верст⁴⁶. Отсюда польские отряды уже могли подавать осажденным сигналы артиллерийскими выстрелами⁴⁷.

Таким образом, от Красного до передовых позиций русской армии было около 40–45 км, а после того как лагерь был переведен на реку Ветесну, это расстояние еще уменьшилось. Это позволяло коннице, составлявшей большую часть литовского войска, выступить вечером или во второй половине дня и после ночного марша появиться перед русскими позициями уже на следующее утро. Тем самым польское командование имело все возможности для внезапного выдвигания к русским позициям под Смоленском.

Примерно так и случилось 29–30 июля 1633 г., когда А. Госевский вместе с полковниками Мадалинским и Шмелингом предпринял попытку силой провести в город подкрепления и припасы и установить связь с осажденными. Польские войска выступили из лагеря 29 июля после обеда и шли всю ночь. План польского командования состоял в том, чтобы, связав боем сотни князя Прозоровского, прорваться мимо рогаток к Копытским воротам и доставить в крепость нужные припасы. Для организации взаимодействия с гарнизоном, при выходе на реку Лубна, осажденным несколькими пушечными выстрелами был дан сигнал о подходе выручки. И хотя потом перебежавший из Смоленска пахолик гусарской роты Воеводского Наум Никонов и говорил, что в этот раз в городе о приходе польского войска никто не узнал⁴⁸, в дальнейшем осажденные, как правило, будут организовывать встречную вылазку⁴⁹.

Сигнал, скорее всего, слышали не в Смоленске, а в русском лагере, поскольку, когда поляки вышли к реке Ясенной, их уже ждали в полной боевой готовности. Первыми врага встретили дозорные сотни Ивана Оничкова и Федора Коротцева. Им на помощь был послан князь Андрей Песвицкий, а за ним в поле развернулись и остальные силы князя С. В. Прозоровского⁵⁰. Позиции русских войск опирались не только на речную преграду, саму по себе довольно небольшую, но и на линию рогаток и другие укрепления.

Всего бой продолжался четыре часа. Он не носил решительного характера и заключался большей частью в перестрелке⁵¹ —

командование обеих сторон не хотело рисковать. В конце концов, убедившись в невозможности прорваться к городу открытой силой, А. Госевский и Я. Мадалинский скомаандовали отход, и к полудню сражение закончилось. Потери обеих сторон были незначительны — при отходе польского войска в плен к русским попало всего четыре человека⁵². О взятии нескольких пленных заявляли и поляки⁵³.

Формально победителем был князь С. В. Прозоровский, за которым осталось поле боя. Однако после того как из поиска под Красным 7 августа вернулся Герасим Попов с белозерскими помещиками, стало ясно, что это только начало. Хотя и взятые им пленные, и перебежчики из лагеря Госевского сообщали разные сведения о численности польского войска, однако в остальном они говорили о прибытии новых подкреплений и о скором подходе самого К. Радзивилла с крупными силами. 11 августа к Смоленску вышел бежавший из польского лагеря крестьянин Давид Федоров, который сообщил о прибытии 9 августа двухтысячного «кварцаного» войска во главе с каменецким каштеляном Александром Пясецким и о том, что Госевский, получив подкрепления, собирается идти под Смоленск, не дожидаясь короля⁵⁴.

На следующий день к русскому лагерю пришел гайдук Юрка Будаи, который сообщил о прибытии командующего литовского польного гетмана князя К. Радзивилла⁵⁵. Он прибыл к войску еще 7 августа и, по словам его секретаря Яна Москоржевского, был торжественно и с многократным салютом из пушек встречен солдатами⁵⁶. Впрочем, с А. Госевским, руководившим войском до этого, у гетмана вышел раздор, после чего смоленский воевода, взяв с собой часть войск, пошел под Смоленск самостоятельно⁵⁷.

13 августа поляки снова атаковали заставные сотни князя С. В. Прозоровского на реке Ясенной. По-видимому, это была лишь разведка боем, так как уже на следующий день к укреплениям князя С. В. Прозоровского подошли отборные литовские войска⁵⁸ смоленского воеводы А. Госевского и полковника Мосарского. Одновременно из города осажденными была произведена вылазка⁵⁹. Князь вывел навстречу им своих воинов, стремясь не дать противнику переправиться через р. Ясенную и прорваться в город. Поначалу в ходе кавалерийского боя ратные люди отбросили поляков далеко за реку. Однако противник привел себя в порядок и контратаковал, в свою очередь опрокинув уже русскую конницу, которую прогнал на полторы версты от реки, причем было захвачено одно

сотеиное знамя⁶⁰. Прорвавшись через рогатки, поляки немедленно бросились в преследование, однако отступление оказалось ложным, так как дворянские сотни неожиданно разошлись в стороны и открыли отряд из 400 пехотинцев во главе с майором Робертом Китом, который залпом сбил полякам наступательный порыв. В этот момент русская конница коптраковала и уже окончательно отбила нападение⁶¹. Впрочем, судя по незначительности трофеев – было взято знамя казацкой хоругви Ловчинского⁶² и всего троих пленных⁶³ – поляки смогли выйти из-под удара и довольно беспрепятственно отойти.

Силы Госевского, так же как и 30 июля, насчитывали всего несколько тысяч войска. Однако, хотя в распоряжении М.Б. Шеина было более 20 тысяч человек, обе диверсии поляков, как 30 июля, так и 14 августа, отнюдь не закончились их сокрушительным разгромом. В первую очередь это связано с не очень удачным расположением войск – при общем численном перевесе русской армии непосредственно на западных подступах к Смоленску силы сторон оказывались равны, так как более половины армии М.Б. Шеина, в том числе почти вся пехота нового строя, располагались либо к востоку от города в главном лагере, либо к югу от него в траншеях. Часть войск занимала ключевую позицию на Покровской горе и, опасаясь вылазок, М.Б. Шеин не решался снимать их оттуда⁶⁴.

Кроме того, русский командующий сильно недооценивал опасность со стороны польских войск из Красного⁶⁵, по-видимому полагая, что они не успеют помешать ему взять крепость⁶⁶. От сражений с ними М.Б. Шеин практически отстранился, полностью возложив задачу борьбы с поляками на князя С.В. Прозоровского, который, не получая помощи основных сил⁶⁷, не мог нанести польским отрядам решающего поражения.

Впрочем, кроме взятого знамени единственным положительным результатом боя для поляков было то, что осажденный гарнизон увидел пришедшую к нему выручку и показал, что еще держится⁶⁸. Тем не менее то, что бой отличался куда большим ожесточением, чем за две недели до этого, нагляднее всего демонстрировало серьезность положения. Мало того, взятый в этот день в плен панцирный казак шляхтич Кшиштоф Прилуцкий сообщил не только о многочисленных подкреплениях, которые доводили общую силу противника до 11 тысяч, но и о планах переместить лагерь непосредственно к самому Смоленску⁶⁹.

Еще 12 августа польское войско спялось с лагеря и двинулось к Смоленску. Переход занял довольно продолжительное время, так как скорость марша сильно замедлялась значительным обозом – встав 13 августа лагерем на реке Уфишь, гетман вынужден был задержаться там на день для подтягивания отставших повозок и наведения порядка⁷⁰.

Впрочем, движение польского войска к Смоленску поначалу осталось незамеченным русским командованием – после 6 августа новых разведывательных поисков в сторону Красного не производилось, хотя, казалось бы, следовало установить постоянное наблюдение за противником. О его действиях стало известно лишь 17 августа, когда высланные М.Б. Шеиным подызчики на Дубровенской дороге наткнулись на подходившие колонны войск. Вышедший в этот день из литовских полков гусар Ян Грудовин сообщил, что Радзивилл и Госевский собираются встать лагерем на реке Боровой в семи верстах от города, а войска с ними идет восемь тысяч⁷¹.

Однако времени для реакции на действия польской стороны уже не оставалось. Уже в тот же день, пока А. Госевский сковывал князя С.В. Прозоровского действиями легких сил⁷², остальные польские войска беспрепятственно встали на реке Боровой у Глушицы. Следующие два дня они занимались обустройством лагеря, возведением укреплений и наведением мостов через Днепр, чтобы иметь возможность в дальнейшем действовать по обоим его берегам. После этого 19 августа гетман К. Радзивилл с большой свитой произвел рекогносцировку русских позиций на реке Ясенной⁷³.

На следующий день, 20 августа, на рассвете он со всеми своими силами подступил к острогу князя С.В. Прозоровского, и попытался прорваться в город. Поскольку противник обладал количественным и качественным превосходством в коннице, то русские полки, хотя и вышли в поле, однако оставались под прикрытием пушек рядом с укреплениями, атаковать которые польское войско не могло, так как большая часть пехоты была еще на подходе. В результате обе стороны пытались нарушить сложившееся равновесие, выманив противника на выгодную для себя местность: поляки – в чистое поле под удар гусарской конницы, а русские – под огонь пехоты и артиллерии⁷⁴.

Бой продолжался около пяти – шести часов, пока, в конце концов, гетман не командовал отходить, и никто из его участников не мог назвать себя безоговорочным победителем. Хотя Москорожевским

сообщается о том, что поляки потеряли всего троих товарищей и нескольких пахоликов⁷⁵, другие польские источники говорят о нескольких десятках убитых и о том, что потери были сравнимы с потерями русского войска⁷⁶.

Несмотря на то, что одновременно из города была произведена сильная вылазка⁷⁷, русским воеводам удалось пресечь попытку польской стороны прорваться в город⁷⁸, хотя для этого, как доносил потом М.Б. Шеин, пришлось вывести в поле почти всю армию, кроме гарнизона Покровской горы⁷⁹. В бою также участвовал прибывший незадолго до того рейтарский полк д'Эберта⁸⁰.

В этот же день в Красном встал лагерем сам польский король Владислав IV с пехотой, артиллерией и обозом, о чем практически сразу же стало известно М.Б. Шеину, который как раз накануне выслал в разведку отряд Никифора Перыбина⁸¹. Еще через день, 22 августа, Владислав IV ночевал уже на реке Жоршовке, где его встретили князь Радзивилл и А. Госсевский. 23 числа перешел на реку Лубну, где дал отдых войскам, и, наконец, 25 августа королевские войска прибыли на Глушицу⁸².

Под Смоленском в это время воцарилось некоторое затишье – действия обеих сторон ограничивались лишь мелкими стычками. Самым крупным столкновением был налет русской конницы 22 августа на королевский лагерь, когда удалось отогнать у поляков часть коней⁸³. После боя князь Радзивилл предложил М.Б. Шеину провести обмен пленными, однако русский воевода от этого предложения уклонился⁸⁴. Он был занят гораздо более насущными делами, – приведением в порядок своего войска, численность которого к этому времени сильно уменьшилась.

Больше всего пострадали войска князя С.В. Прозоровского. Если в марте 1633 г. под его началом было 4451 человек⁸⁵, а в начале лета – 4130 человек⁸⁶, то смотр 25 августа 1633 г. показал, что он может располагать уже только 1846 бойцами⁸⁷.

Несмотря на постоянные бои с поляками доля собственно боевых потерь была невелика. За всю предшествующую кампанию полки князя С.В. Прозоровского и Б.М. Пагого лишились 27 человек – пленными и 319 человек – убитыми и умершими от ран⁸⁸, причем 83 человека было потеряно еще до марта 1633 г.⁸⁹ Гораздо большим по значимости был урон от нетчиков и дезертиров: к концу августа 1633 г. суммарное число дезертиров у князя Прозоровского составляло 3453 человека⁹⁰.

Главной причиной столь массового бегства служивых людей традиционно⁹¹ называют крупный татарский набег лета 1633 г., сильно разоривший южные уезды, после чего многие служивые люди сбежали из армии спасать свое имущество. Однако при этом наибольший процент нетчиков фиксируется в полку князя Прозоровского, состоявшем в основном из служивых людей северо-западных уездов, куда татары не добрались⁹².

По всей видимости, гораздо большее значение имело то обстоятельство, что служивым людям пришлось нести непрерывную службу в течение целого года, что привело к значительному ухудшению их положения. Постоянное давление со стороны польских отрядов из Красного, частые бои без особой добычи, отсутствие выплат денежного жалования – все это снижало стремление дворян и детей боярских задерживаться на службе. Перспектива еще более серьезных боев с королевской армией и стала тем фактором, который подтолкнул дворян, уже уставших от затянувшейся кампании, в массовому отъезду из армии. Не случайно первая жалоба М.Б. Шеина о значительном бегстве служивых людей датируется 14 августа, когда поляки уже начали выдвижение к Смоленску⁹³, и в дальнейшем эти жалобы становятся непрерывными и сочетаются с многочисленными просьбами служивых людей о выплате им денежного жалования⁹⁴. Чтобы удержать дворян на службе, правительство пообещало им это жалование, а тех, чьи поместья были разорены татарами, решило заменить московскими чинами⁹⁵. Однако все эти меры были приняты слишком поздно, и жалование так и не успело прибыть к Смоленску.

Падение численности и боеспособности дворянской конницы сильно подорвало способность русского войска вести активные наступательные действия в открытом поле, что в свою очередь подталкивало русских воевод к действиям пассивного, оборонительного характера. Очевидно в этом основную роль сыграли активизация действий польских войска в начале августа 1633 г. и возросшее в связи с этим боевое напряжение, выдерживать которое у многих служивых людей не было никакого желания.

А вот все попытки польских войска установить контакт с гарнизоном, напротив, оказались неудачны. Еще 19 августа вышедший из города Степан Романовский говорил, что никаких лазутчиков в город так и не пробралось, а все попытки осажденных связаться с деблокирующей армией также провалились⁹⁶. Хотя после боев

14 и 20 августа гарнизон воспрянул духом, затем среди солдат распространился слух, что войско, стоящее лагерем на Глушице – русское, а князь Радзивилл разбит⁹⁷. Наконец 26–27 августа полякам все же удалось установить связь с городом, когда в Смоленск и обратно удалось пробраться некоему Спондовскому⁹⁸. В принесенных им письмах помимо известий о тяжелом положении осажденных, указывалось наиболее уязвимое место русских позиций – Цокровская гора⁹⁹. Именно она стала ареной ожесточенных боев решающего этапа Смоленской войны.

«Затишье» кончилось.

¹ Вайнштейн О.Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства первой половины XVII в. М., 1947. Пошнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. Станевский Е.Д. Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919.

² Пожаруй, наиболее подробный целостный очерк событий войны см.: Иловайский Д.И. Новая династия. М., 2003. С. 359–438.

³ См.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства XV–XVII вв. М., 2004. С. 302–304; Малов А.В. Начальный период Смоленской войны на направлении Луки Великие – Невель – Полоцк (до 3 июня 1633 г.) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 124–172; Его же: Невельское взятие 1633 г. Малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 7–10.

⁴ Это характерно как для первого польского сочинения, специально посвященного истории Смоленской войны, так и для последнего. См.: Kothubaj E. Odsiecz Smolenska i pokoj polanowski. Krakow, 1858. 72 s.; Kupisz D. Smolensk 1632–1634. Warszawa, 2001.

⁵ Волков В.А. Войны и войска Московского государства XV–XVII вв. С. 302; Иловайский Д.И. Новая династия. С. 382, 384, 386; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / Под ред. А.А. Новосельского. М., 1955. С. 471; Kupisz D. Smolensk 1632–1634... S. 122, 139–140; Lipinski W. Dzialania wojenne polsko-rosyjskie pod Smolenskiem od padziernika 1632 r. do wrzesnia 1633 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. T. 5. S. 199–201. 206.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 41–42.

⁷ Даниловский А.А. Осада города Смоленска... С. 39.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 230.

⁹ Kupisz D. Smolensk 1632–1634... S. 122.

¹⁰ В конце мая князь К. Радзивилл заболел и покинул Красный, уехав в Коньсы. Незадолго до того лагерь покинул и смоленский воевода Александр Корвни-Госевский. (Lipinski W. Dzialania wojenne... S. 199–200).

¹¹ Kupisz D. Smolensk 1632–1634... S. 122.

¹² Самих денег он, правда, не привез.

¹³ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka

Ordynacji Krasinskiach. Warszawa, 1895. T. 13. S. 24.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 70. Л. 28, 33–34.

¹⁵ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej z lat 1633–1634 // Biblioteka Ordynacji Krasinskiach. Warszawa, 1895. T. 13. S. 24.

¹⁶ Ibidem. S. 24; Kothubaj E. Odsiecz Smolenska i pokoj polanowski. Krakow, 1858. S. 12.

¹⁷ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 24.

¹⁸ В частности, 13 июля под Красный были посланы охочие люди Смоленского уезда во главе с Карлом Семеновым, которые захватили несколько пленных из числа польских фуражиров. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 3.

¹⁹ Дворцовые разряды. 1612–1700. СПб., 1850. Т. 2. С. 333–334.

²⁰ См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 4, 17, 28, 104–120.

²¹ Там же. Л. 5, 18.

²² Там же. Л. 11, 24, 84–85, 92.

²³ В частности, численность гарнизона Смоленска в начале осады составляла всего 2212 солдат, а с учетом местного населения и подкреплений в мас в нем было до 3000 человек. См.: Kupisz D. Smolensk 1632–1634... S. 102, 120.

²⁴ Книги Разрядные. СПб., 1855. Т. 2. С. 390.

²⁵ «Перечислав росинсь ратных людей под Смоленском 141-го года» называет цифру в 23 961 человека. См.: РГАДА. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 121.

²⁶ Об этих и других особенностях русского военного искусства см.: Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16–сер. 17 вв.). URL: <http://www.zimovaya.ru/statji/ocherki-razvitiya-taktiki-russkoj-konnitsy-sotenoj-sluzhby-ser-16-ser-17-vv.html> (дата обращения: 3.03.2010).

²⁷ Не случайно в период Смутного времени русские воеводы старались действовать против поляков и шведов «от обороны», опираясь на многочисленные укрепления. См.: Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 24, 36.

²⁸ См.: Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23 (Шебанов-Шотц). С. 41–42.

²⁹ О данной проблеме стратегии см.: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политический истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 203–221; Parker G. The military revolution: military innovation and the rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1999. P. 16, 39–44.

³⁰ Книги Разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 405, 407.

³¹ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 24.

³² Москоржевский был секретарем гетмана К. Радзивилла, отношения которого с А. Госевским оставляли желать лучшего. См. например: Kupisz D. Smolensk 1632–1634... S. 107; Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633–1634 / oprac. Mirosław Nagielski. Warszawa, 2006. S. 199; [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 28.

³³ Об этом рассказал немец Флориан, дезертировавший из Красного 15 июля. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 28.

³⁴ Перебежавший 18 июля из города казак роты Мадалинского Степан Тимофеев помимо других сведений сообщил, что «с Красного проходцев не бывало». См.: Там же. Л. 24–25.

- ³⁵ Там же. Л. 14-15.
- ³⁶ Все перебежчики из города в июле-августе говорили, что в городе мало пороха и хлеба, а также что «из города и в город проходцев не бывало давно». См.: Там же. Л. 24, 84, 93, 166, 180, 234.
- ³⁷ Там же. Л. 1, 129-130.
- ³⁸ КР. Т. 2. Стб. 388-390; РГАДА. Столбцы Новгородского стола. № 24. Л. 70-90.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 24. Л. 76-78, 88-89.
- ⁴⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 114, 120.
- ⁴¹ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 33. Л. 143, 147, 152.
- ⁴² Там же. Столбцы Московского стола. № 90. Л. 78.
- ⁴³ Там же. Л. 97-99.
- ⁴⁴ Там же. № 105. Л. 47.
- ⁴⁵ Kotlubaj E. Odsiecz Smolenska i pokoj polanowski. Krakow, 1858. S. 11.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 206.
- ⁴⁷ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 25.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 93.
- ⁴⁹ Там же. № 31. Л. 59.
- ⁵⁰ Там же. № 26. Л. 71-72.
- ⁵¹ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 24-25.
- ⁵² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 79-82, 100; Там же. Книги Денежного стола. № 88. Л. 259об.
- ⁵³ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 25.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 173-175.
- ⁵⁵ Там же. Л. 206.
- ⁵⁶ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 25.
- ⁵⁷ Diariusz kampanii smoleńskiej Władysława IV 1633-1634 / oprac. Mirosław Nagielski. Warszawa, 2006. S. 199.
- ⁵⁸ Взятые после боя пленные рассказали, что А. Гусевский специально выбирал лучших солдат. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 187.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 278об.
- ⁶⁰ Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 203; Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні 1633-1634 рр. // Записки наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1899. Т. 28. Кн. 2. С. 31.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 212-214.
- ⁶² Diariusz kampanii smoleńskiej ... S. 203.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 186.
- ⁶⁴ Там же. Л. 232.
- ⁶⁵ В гораздо более благоприятных условиях весной 1633 г. М.Б. Шенн отказался предпринимать что-либо против войск К. Радзивилла. См.: Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632-1634 гг. // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 122, 124-127, 130-131.
- ⁶⁶ 11 августа 1633 г. под стены города был подведен новый подкоп. См.: РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 88. Л. 273.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45. Л. 125-127.
- ⁶⁸ Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 203; Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні... С. 31.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 187-190.

- ⁷⁰ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 25.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 226-227.
- ⁷² Там же. № 62. Л. 68-69.
- ⁷³ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 25.
- ⁷⁴ Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 204.
- ⁷⁵ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 25.
- ⁷⁶ Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 204; Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні... С. 32.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 31. Л. 95.
- ⁷⁸ Там же. № 45. Л. 64; Там же. № 26. Л. 235-236.
- ⁷⁹ Там же. Л. 232.
- ⁸⁰ Там же. № 33. Л. 105-109.
- ⁸¹ Взятые П. Перибиным пленные показали, что у короля - 18 тысяч войска. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45. Л. 19-20.
- ⁸² Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 205-207; Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні... С. 32-34; [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 26-27.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 255; Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 205; [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 26.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 254.
- ⁸⁵ Там же. № 24. Л. 76-78, 88-89.
- ⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 114, 120.
- ⁸⁷ Там же. Л. 58, 60, 61, 75-76, 77-81; КР. Т. 2. Стб. 385-391.
- ⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 75-76, 78-81.
- ⁸⁹ Там же. Л. 114, 120.
- ⁹⁰ Там же. Л. 58, 60-61.
- ⁹¹ См., например: Козляков В.П. Служилый «город» в Смоленской войне 1632-1634 годов // От Древней Руси к России нового времени. Сборник статей к 70-летию А.Л. Хорошкевич / Сост. А.В. Юрасов. М., 2003. С. 192-193; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / Под ред. А.А. Новосельского. М., 1955. С. 471-472; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. С. 212.
- ⁹² Общее число петчиков из южных городов составило 1592 человека из их общего числа в 4552 человека, причем из полка князя Прозоровского (без полка Б.М. Науго) сбежало 2509 человек. См. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 105. Л. 52-53, 58, 60, 61.
- ⁹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 26. Л. 202.
- ⁹⁴ Там же. Л. 123-128, 207, 217-221, 237; Там же. № 45. Л. 17-18, 28-30, 39, 65-67, 80-82, 117, 119-120, 125-127.
- ⁹⁵ Там же. № 26. Л. 217-221.
- ⁹⁶ Там же. Л. 234.
- ⁹⁷ Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 103-104.
- ⁹⁸ [Moskorzewski J.] Diariusz wojny moskiewskiej... S. 28; Diariusz kampanii smoleńskiej... S. 103.
- ⁹⁹ Целевич О.А. Участь козаків в Смоленській війні... С. 32.